

Завоевание Вестероса XI

Королевство бурь.

" Любовь - самая могущественная сила из всех, не кровь, не сталь, не магия, и даже пламя дракона не приблизится. Боги создали нас для любви, в этом наша великая слава и наша великая трагедия" Эймон Рыцарь-дракон 298 АС.

Спорные отношения между Штормовым Королем и Рыцарем-Драконом были основаны не только на ревности и злобе, но и на исторически сложившихся отношениях. У Завоевателя были свои проблемы с Королем Бурь, когда он базировался на Драконьем Камне, проблемы, которые, если бы он не смотрел на Восток, могли бы закончиться иначе, чем они. Проблемы, которые привели к огромным изменениям в родословной Штормовых Королей и в концовке Дома Дюррандон, поскольку он затем был преобразован в Дом Баратеонов.

Правда или нет, что Орис Баратеон был братом Завоевателя, никто, кроме представителей дома Таргариенов, не знает. Это до сих пор обсуждаемая тема в Империи, и я могу говорить только о том, что знаю. Орис был моей кровью, сказал Эйгон, и Рыцарь-Дракон считал его одним из своих предков всякий раз, когда требовал ответа. Хотя он был настолько близок к Завоевателю, насколько это вообще возможно, Орис остался на Драконьем Камне, когда Эйгон и его сестры-жены посмотрели на восток. Ибо никто в то время не знал, что Орис влюбился в Дочь Штормового Короля. Любовь, которая была возвращена и навсегда изменила Штормовые земли.

Именно потеря любви, которой никто не делился и, возможно, даже ненастоящей, заставила Роберта Баратеона больше всего ненавидеть Таргариенов и Рыцаря-дракона. Так же, как это была любовь более искренняя, чем любая другая, которая заставила дочь предать своего отца и встать на сторону человека, которого она любила. Тысячу человек должен был призвать Орис, тысячу человек и ни одним больше. У Аргиллака, Короля Штормов, было более чем в пять раз больше, и по крайней мере столько же за воротами самого Штормового Предела. Чего у него не было, так это верности своих людей или их уважения, и поэтому «Последний шторм» превратился в битву, подобной которой он никогда не видел. Приказав своим людям атаковать, Аргилак был потрясен, когда они отказались, и ошеломлен, когда его привели в цепях, чтобы встретиться лицом к лицу с Орисом Баратеоном.

Преклоните колени и будьте изгнаны или сражайтесь один на один за руку своей дочери и контроль над Штормовыми землями или раз и навсегда покончите с угрозой, которую представлял Орис. Это был выбор, который был дан королю Аргиллаку, и оказалось, что это вовсе не выбор. Наше есть наше, Ярость была боевым кличем, и все же Король Штормов никогда не встречал более разъяренного врага или такого сильного любви, как когда он встретился лицом к лицу с Орисом. Исход никогда не вызывал сомнений, так как Орис забрал свою победу, а победителю досталась добыча. В ту ночь, когда тело ее отца было погребено в склепе в Штормовом Пределе, Аргелла вышла замуж за человека, которого любила, и родился Дом Баратеонов. Любовь — самая могущественная сила из всех, как сказал Рыцарь-Дракон. Теперь, когда грозовые тучи снова начали собираться над Королевством Бурь, только один человек знал, что значит быть любимым и быть любимым, и это он принес бурю.

История завоевания Рыцаря-дракона,

Маг Марвин.

Штормовой Предел 300 АС.

Станнис Баратеон.

Почти два года он слушал разглагольствования и бред Роберта о Таргариенах на Драконьем Камне. Никакие его слова не могли успокоить его ярость или гнев, когда он был в полном потоке, и поэтому со временем он перестал даже пытаться. Он посоветовал своему брату не провоцировать конфронтацию, а быть готовым к ней, если возникнет необходимость. И все же Роберт каждый день скулил и стонал о расторгнутой помолвке с девушкой, которую он никогда не видел и в постели которой никогда бы не остался.

Лианна Старк стала оправданием того, что он такой, какой он есть, и это было оправданием, за которое его брат цеплялся, как умирающий цепляется за жизнь. Если бы он только смог жениться на Лианне, тогда он был бы счастлив, и она подарила бы ему хороших и настоящих детей. Вместе они увидели бы, как возвышаются Штормовые земли, и он стал бы лучшим человеком и королем. Это были детские припевы брата, которого он обречен иметь как старшего. Жалкие оправдания второго сына, а не первого, и уж точно не короля.

Он был наследником своего брата только потому, что Роберт использовал расторгнутую помолвку как причину не жениться. Его брат громко заявил, что единственная женщина, на которой он женился, была Лианна Старк и что она должна была принадлежать ему. Роберт был избалованным капризным мальчиком, у которого отняли любимую игрушку. Вот кто восседал на посту Короля Штормов, и если его брат добьется своего, то он станет последним королем, которого когда-либо знали Штормовые Земли. Станнис стиснул зубы, направляясь к комнатам своего брата, и вздохнул, когда добрался до них и услышал звуки изнутри.

— Его милость внутри? — спросил он, хотя, учитывая выражение лица сира Барристана и звуки, доносившиеся с другой стороны двери, это был чертовски глупый вопрос.

— Он Лорд Хэнд, мне прервать? — спросил сир Барристан.

«Нет, сир, сообщите его милости, что я был здесь и что я поговорю с ним, когда он... будет менее занят». — сказал он, стиснув зубы еще немного.

«Конечно, Лорд Хэнд». — сказал сир Барристан, слегка склонив голову, когда Станнис повернулся, чтобы уйти.

Десница короля, титул, который должен принести ему некоторое удовлетворение, и роль, которая должна принести ему честь, и все же это принесло ему лишь головную боль и позор. Он был ошеломлен, когда Роберт вручил ему золотую булавку в форме руки и сказал, что теперь он его Десница. Там, где Роберт не мог управлять, он должен был и что он должен был стоять вместо него, когда его не было рядом. Всю одну ночь он был полон благодарности к своему брату, за одну и только одну ночь. Слова, которые он услышал, когда на следующее утро вошел в комнату Роберта, были достаточными, чтобы показать, что брат проявлял к нему не уважение, а презрение.

« Почему Хэнд, ваша светлость?» — спросила шлюха.

« Король срет, а Рука подтирает, а мой брат так же хорошо подметает задницу, как и любой другой». Сказал Роберт смеясь, когда он схватил девушку.

Гнев, который он испытывал к своему брату, мог сравниться только с тем, что он чувствовал к нему в брачную ночь после того, как Роберт осквернил его брачное ложе. Его желания, его потребности, его желания, Штормовые земли годами находились в застое, прежде чем он получил хоть какую-то власть. Его король не хотел править, но и не собирался когда-либо

отказываться от своего трона. Роберту нравилось быть королем, ему просто было неинтересно делать то, что должен делать король, и поэтому в течение многих лет эти вещи просто не делались.

Однако с тех пор, как его назвали Десницей, все изменилось, и он даже организовал торговую сделку с Империей, хотя и сделал это за спиной своего брата. Дела шли как нельзя лучше с королем, которому было все равно и который тратил деньги так, как если бы он срал золото. По крайней мере, так оно и было, пока до них не дошло известие о том, что дракон приземлился на Драконий Камень и каким именно драконом это оказалось.

Почти два года назад.

Цифры были хороши, а их сокровищница полна, о чем они не могли много говорить с тех пор, как его брат принял корону. Между тем как Роберт тратил деньги на турниры, пиршества и шлюх, а другой его дурак-брат тратил их на одежду и атрибуты, в которых он не нуждался, Станнис содрогнулся при мысли о том, сколько они потратили впустую за эти годы. Если бы они были такими же бережливыми, как он, тогда они были бы такими же богатыми, как Ланнистеры или Гарденеры, тогда как он сомневался, что они были бы такими же богатыми, как Старки.

Но полной казной можно было гордиться, и со временем они получают еще больше денег от его торговли с Империей. Или будут, если Роберт никогда не узнает, не то чтобы его брат когда-либо соизволил заглянуть в книги или пересчитать медяки. Закрыв бухгалтерскую книгу, Станнис встал и приготовился к своему дню, первым делом посетив спарринг-площадку. Он знал, что Ширен уже будет на уроках, а Тиана будет со своими дамами. Без королевы его жена в основном выполняла обязанности Леди Штормового Предела, и без нее он пропал бы. Однако он так и не добрался до тренировочной площадки, так как по пути его остановил сир Кортней Пенроуз и, судя по выражению лица этого человека, сообщил, что новости, которые он принес, были нехорошими.

— Лорд Хэнд, его светлость, я... — начал сир Кортней, и Станнис мог видеть, что он пытается решить, как выразиться без оскорблений.

«Долой это, мужик». — сказал он прямо и по делу, как и положено.

«Его милость в ярости, Лорд Хэнд, он ломает стулья и требует свой молот». — смущенно сказал сир Кортней.

"Где он?" — спросил он, и его с благодарностью направили в комнаты Роберта, поскольку образ его брата, делающего это в Большом зале, не был тем, с чем он хотел бы видеть или иметь дело.

Станнис поспешил через замок и увидел Ренли, стоящего перед дверью Роберта. У его брата хватило наглости стоять там с улыбкой на лице, даже когда звуки ломающихся вещей разносились по коридору.

«Кажется, наш брат получил ворона, который ему не очень понравился, Станнис». — сказал Ренли, и Станнису так сильно захотелось стереть ухмылку с его лица.

"От кого?" — спросил он, и Ренли покачал головой и пожал плечами.

"ДРАКОНОВАЯ ПОРОДА". — закричал Роберт, его рев был даже громче грохота стульев и ломки столов, и Станнис покачал головой и стиснул зубы, входя в комнату.

Ему потребовался почти час и бог знает сколько вина, чтобы успокоить Роберта и узнать, что он получил ворона от Дома Мэсси, который рассказал о кораблях, приземляющихся на Драконий Камень, и о драконе, летящем над головой. Станнис прочел сообщение и узнал, что это были принц Эймон и Кровавый Змей, которые были замечены, и что он привел с собой достаточно кораблей, чтобы нести армию.

С Робертом не говорили, что это может быть не так, как он опасался, и не говорили ему, чтобы он не пытался провоцировать. И так, в течение следующих нескольких недель и лун раздавались угрозы, посылались вороны, а корабли беспокоили и беспокоили, когда они плыли в своих водах. Но дракон остался на месте и не двинулся на их земли, принц Эймон не попытался заговорить с ними и не ответил на провокации Роберта. Все это время его брат варился, разглагольствовал и клялся, что раздавит череп драконьего отродья своим молотом. Станнис проклинал потерю торговли и глупость всего этого. Ибо Ауран Веларион не был человеком, который переносил оскорбления так же хорошо, как его принц.

Сейчас.

Был уже поздний вечер, когда Роберт наконец показал свое лицо, и Станнис разозлился еще больше, чем в то утро, когда пришел к нему. Не то, чтобы его гнев имел значение для брата, и если уж на то пошло, то сильно его забавлял. Если бы не присутствие Ширен и сира Давоса, он бы уже давно стиснул зубы. Станнис провел большую часть дня после своего обычного спарринга, наблюдая, как Ширин учит сира Давоса читать. У его дочери было терпение, которого не было у него, и она вместе с женой была единственным светлым пятном в очень темной жизни. Нет, это было не совсем так, были и другие.

Сам сир Давос был одним из них, человеком настолько верным, насколько вообще может быть человек, и если бы не он, то Станнис пошел бы путем своих матери и отца, когда несколько лет назад той ночью «Ярость» разбилась о скалы. Так называемый Луковый Рыцарь спас ему жизнь и вытащил на берег. Ни одному человеку он не был обязан больше, чем себе, и каждый день, который он провел с Тианой и Ширин с тех пор, приходился на Давос-Сиворт. Он собственноручно посвятил его в рыцари, хотя Роберт на этот раз предложил ему это сделать.

— Как поживают мужчины? — спросил Роберт после того, как он прервал свой пост, и Станнис попытался не так сильно раздражаться из-за позднего часа, что он сделал это.

«Мы получили воронов от всех Домов, и они начали марш. Ближайшие уже прибыли, а Дом Уайлдов должен быть здесь завтра утром, согласно нашим всадникам». — сказал Станнис и с нетерпением ждал встречи со своим добрым отцом и добрым братом.

"Хорошо, а Драконьи отродья?" — с насмешкой спросил Роберт.

«Остается на Драконьем Камне, хотя его люди уже готовятся к отплытию». — сказал Станнис, и ему не понравилась улыбка на лице брата.

— Где, черт возьми, Ренли? — спросил Роберт, и Станнис покачал головой.

«Последнее, что я слышал, он отправился за Коннингтоном».

— Грифону нужен чертов эскорт, не так ли? — со смехом сказал Роберт.

Он все еще смеялся, когда вбежал Крессен со свитком ворона в руке, и мейстер почти по привычке отдал его ему, пока не увидел сидящего Роберта.

"Ваша милость." Крессен сказал с поклоном, прежде чем вручить Роберту свиток.

Станнис смотрел, как его брат читал, а потом громко, очень громко, слишком громко смеялся. Затем Роберт передал ему его, когда он потребовал вина, и начал пить его, как только оно было налито. Читая слова, он мог понять, почему это позабавило Роберта и в то же время обеспокоило его гораздо больше. Король Рикард Старк был мертв, атакован и убит в Речных землях, и все, что он думал, что войны не будет, теперь упущено. Север нападет на Речные земли, и вскоре другие будут втянуты в дела, и, читая слова, он задавался вопросом, где во всем этом может быть дракон.

"И так это началось." — тихо сказал он, пока Роберт пил, смеялся и проклинал волков и драконов.

Винтерфелл 300 АС.

Брэндон Старк, Дикий волк.

Он любил свою жену искренне и всем, что у него было, но временами она тоже могла быть занозой в его заднице. Почти целую луну он вел себя послушно и сдерживал пьянство и другие интересы. Он тратил свое время, выслушивая петиции и решая скучные и скучные вопросы, ни один из них не требовал от него даже удара двумя головами друг о друга. Брандон просмотрел книги и их запасы, он поговорил с каждым из мастеров, чтобы узнать, что нужно для конюшен, конур, охранников и всех других аспектов управления крепостью и королевством.

Помимо спаррингов или упражнений во дворе, он слишком долго занимался тем, что ему не нравилось, и все же она отказывалась позволять ему делать то, что он делал. Маленькая охота, это все, чего он желал. Всего пару дней в Волчьем лесу с несколькими его самыми близкими друзьями. Он, Итан Гловер, Тео Вулл и Марк Рисуэлл, правда, он, может быть, заедет и повидается с дочерью фермера, прежде чем вернется, но Барбри не должен был этого знать. Тем не менее, она отказала ему и сказала, что он должен был заменить своего отца, пока тот не вернется.

« Ты король, Брэндон, по крайней мере, ты можешь вести себя как король». — сказал Барбри, пока они спорили.

« Ты вышла замуж не за короля, Барб, и я думал, что тебе нравится, когда я выпускаю своего дикого волка играть». — сказал он, подходя к ней, его руки обнимали ее, а губы касались ее шеи.

« Когда ему пора играть, да, сейчас не время». сказала она, хотя то, как она двигалась против него, показывало, что пришло время для игры другого рода.

Боги, он любил свою жену, подумал он с ухмылкой, когда шел в Большой Зал и готовился к предстоящему скучному дню. Мыслей о грядущей ночи было достаточно, чтобы сохранить его интерес на данный момент. Он нуждался в них, так как день казался бесконечным, и когда он поднялся с Зимнего Трона после того, как разобрался с последним из просителей, он почувствовал себя усталым и голодным. Брэндон не успел и на полпути вернуться в свои комнаты, как вмешалась судьба, и его усталость и голод вскоре перестали его беспокоить.

«Ваша милость, ворон от принца Эддарда». — сказал Уолдрон, и Брэндон взял у него свиток, задаваясь вопросом, что же хотел сказать Нед.

«Возможно, король возвращается». — сказал он в ответ на кивок Уолдрона, и мастер

согласился, что это была наиболее вероятная причина, по которой его брат послал ему сообщение.

Сломав печать, вот что он ожидал прочитать: Нед сообщил ему, что их отец вернулся из Речных земель и теперь возвращается в Винтерфелл. Облегчение, которое он испытал при мысли об этом, было недолгим, и когда он прочитал слова, то чуть не упал на колени. Это не могло быть правдой, и если бы это было написано чьей-либо рукой, а не рукой Неда, он бы подумал, что это очень плохая шутка. Едва в состоянии осмыслить то, что читал, он передал свиток мейстеру, словно желая, чтобы тот подтвердил или опроверг его слова.

«Во имя богов». — сказал Уолдрон, и крик боли Брэндона был таким же громким, как вой любого волка.

Она говорила, ее слова были для него просто шумом, и если бы он повернулся и посмотрел на нее, то увидел бы мольбу в ее глазах. Брандон не слышал и не видел ничего из этого, поскольку люди вокруг него приготовились ехать, и он приготовил свою лошадь. Он привязал Айса к боку своей лошади и, наконец, повернулся к Барбри и увидел обеспокоенное выражение на ее лице. Ее губы шевелились, и хотя он все еще не мог слышать слова, которые она говорила, он мог догадаться, что это были за слова.

«Я король Севера, и они убили моего отца. Его смерть должна быть отомщена, и ничто в этом мире не остановит меня от этого. Север будет вашим, пока не прибудет мой племянник». — сказал он, целуя ее в щеку и вставая.

Только через два дня он даже начал вспоминать ее слова, ее просьбы к нему все обдумать, а не просто уехать без плана. У него был план: он убьет каждого Хоара, которого найдет, каждого человека, носящего их символ, он убьет, пока, наконец, не доберется до человека, который убил его отца и отправил его голову обратно на Север. Как бы он ни был разгневан, он все же нашел время, чтобы созвать знамена, и Нед возглавит армию и присоединится к нему. Лед, однако, призывал к крови и крови, которую он даст ей.

Ночью его сны были наполнены образами смерти его отца и смерти его мужчин. Хорошие мужчины, с которыми он вырос и которых уважал. Именно Мартин Кассель вместе с сиром Родриком научил его, Неда и Бенджена владеть мечом. Он был лучшим мечом на Севере, если не считать никого, а теперь его не стало. Родрик потребовал, чтобы ему позволили пойти с ним, и Брэндон не хотел и не мог отказать этому человеку в его собственной мести. Итан, Марк и Тео были среди трех сотен мечей, которых он быстро собрал, а Медгер Сервин и Уильям Дастин прислали к ним еще больше людей.

К тому времени, когда он добрался до Рва, у него было почти восемьсот человек, и его гнев только рос с каждой ночью, проведенной в дороге. Он едва отреагировал на прием Неда и на то, что его брат сделал это, назвав его своим королем. Коронации не было, потому что он не тратил на это время, так стремился он повергнуть людей, убивших его отца, в землю. Кивнув Неду, его отвели туда, где были останки его отца и другого, и снова его болезненный крик стал громким.

«Я убью их всех, каждого, блядь, до последнего. Я, блядь, не успокоюсь, пока весь их дом не будет разрушен». — закричал он, глядя на собравшиеся головы и, в частности, на отцовскую.

«Брэндон, тебе нужно успокоиться». — сказал Нед, и Брэндон посмотрел на него.

— Успокойся, скажи? Ты, может быть, и мой брат Тихого Волка, но я — нет, и ты говоришь мне, чтобы я был спокоен после того, что они сделали. , Вот ваше спокойствие ". — крикнул он,

подходя к двери.

За исключением того времени, когда они были мальчишками, он и его брат несколько раз дрались. Это был один из них, и Брэндон был ошеломлен, когда его повалил на землю удар, нанесенный ему Недом. Настолько ошеломлен, что ему потребовалось больше нескольких секунд, чтобы ответить на это. Дело было не в том, что его брат сбил его с ног, а в том, что Нед бросил оба мяча первыми и теперь выказывал больше гнева, чем когда-либо раньше.

«Не принимай мою тишину за апатию. Он тоже был моим отцом, и я не успокоюсь, пока ответственные за это люди не будут мертвы и покрыты грязью. Это не так, Брэндон, и поэтому помоги мне, если ты, блядь, не слушаешь меня». Я побью тебя, как когда-то делала мама». — сердито сказал Нед, и Брэндон невольно рассмеялся.

Ему помогли подняться на ноги, и он обнял Неда, Брэндон почувствовал себя утешенным, просто находясь рядом с ним, как всегда. Там, где он был темпераментным, Нед был спокоен, но горе тому человеку, который считал его спокойным. Гнев его брата был совсем другим зверем, чем его собственный, и он рад был видеть его и его самого. Нед, как и всегда, точно знал, что именно ему нужно было услышать, и Брэндон погрузился в воспоминания, когда слушал, как его брат разговаривал с их людьми позже в тот же день.

Это Нед помог ему пережить потерю сына, их сына. Менее часа он дышал, прежде чем боги забрали его у них, и хотя Барбри нуждался в нем, он не мог быть рядом с ней. Если бы не его брат, неизвестно, что бы он сделал. Нед, тем не менее, был рядом с ним, каким он был, когда умерла их мать, и таким, каким он был сейчас, когда они оплакивали своего отца. Два дня спустя, когда он покинул Ров Кейлин и поехал обратно в Винтерфелл, рядом с ним был Нед, и он приветствовал присутствие своего брата. Знамена были созваны, и Бенджен будет ждать их в Винтерфелле, чтобы они могли поместить своего отца в склепы. Затем Брэндон будет коронован, а Север отправится на войну. Он и его братья отомстят за отца, и вскоре Юг услышит их волчий вой.

Завоевание Вестероса XII.

Рыцари дракона часть 2.

« Сколько глаз у принца Кровавого Ворона? Тысяча глаз и один». популярный детский стишок, впервые прозвучавший в Империи около 200 г. до н.э.

История рыцарей-драконов изобилует рассказами о великих и ужасных деяниях. От Висеньи, которая помогла Эйгону положить начало Империи, до Мейгора, подчинившего Кхориков своей воле. Бейлон, разбивший первого великого дотракийского Кхаласара, и Даэрон, который благодаря своей силе воли и выносливости потопил весь гискарский флот. От Эймона, сражавшегося с врагами как снаружи, так и внутри, до Деймона, завершившего Танец Драконов дерзким подвигом, о котором все эти годы спустя все еще говорят с благоговением.

И все же это был человек, которого считали одним из тех, кто запятнал наследие рыцарей-драконов и чуть не разрушил Империю вокруг себя. Принц Бринден Таргариен, Кровавый Ворон, седьмой рыцарь-дракон, или так считалось. Сын Эйгона Недостойного и женщины, утверждавшей, что она из Лиса, хотя вскоре выяснилось, что она из гораздо более дальнего края, Бринден был всем, чем не является Рыцарь-Дракон. Едва способный контролировать своего дракона, по-настоящему не умеющий обращаться с клинком в руке и заботящийся больше о личной славе, чем о защите Империи, выдумка Бирндена никогда не должна была оставаться в силе. Но яйцо вылупилось, дракон родился, и его отец очень приветствовал сына

как Рыцаря-дракона, так что краска была брошена.

Колдун, убийца сородичей, предатель, есть много слов, используемых для описания Кровавого Ворона, и его время в качестве Рыцаря-Дракона было действительно темным временем. С момента его рождения в 172 г. до его возможной смерти в 233 г. н.э. Империя и ее императоры верили в фикцию, и поэтому мерзкая магия, которую его мать использовала, чтобы заставить его казаться тем, кем он не был, не вызвала возражений. Если бы не его племянник принц Эймон Таргариен и его собственный дракон Даркфайр, Темная Сестра была бы потеряна для Империи, а линия Рыцарей-Драконов прервалась бы навсегда. Именно на таких сказках был воспитан Рыцарь-Дракон. Слова, которые были сказаны между ним и его тезкой, в которые были посвящены только они двое. Настоящая история смерти Кровавого Ворона и того, что заставило его дедушку осознать ложь, известна только двум мужчинам, у которых была и кровь, и имя.

История завоевания Рыцаря-дракона,

Маг Марвин.

Драконий камень 300 АС.

Эймон.

Он чувствовал радость своего дракона и разделял ее, когда они вместе с Рейнис и Мераксесом летели над Узким морем. Эймон на самом деле приветствовал вид Драконьего Камня, когда он появился в поле зрения, хотя раньше он этого почти не делал. Почти два года назад он прибыл на остров после изгнания и со страхом в сердце, что больше никогда ее не увидит. Теперь, когда они приземлились рядом с крепостью, и он слез со спины Гейлитокса, он почти побежал, чтобы помочь своей сестре спуститься с Мераксеса.

Поцелуй, который он запечатлел на ее губах, был быстрым и нежным и очень отличался от тех, что они разделили прошлой ночью. Затем его желание к ней почти переполнило его, как и его потребность знать, что она действительно была в его объятиях, и что это не был просто еще один из многих снов, которые он видел с тех пор, как они расстались. Теперь, хотя желание ее было таким же сильным, он знал, что она действительно была с ним, и поэтому немного успокоился.

— Это Драконий Камень? — взволнованно спросила Рейнис.

«Это так. Это место, где Эйгон планировал свое завоевание, и куда Эйнар сбежал после того, как Дейенис увидела сон». — сказал он, протягивая руку и улыбаясь, когда она взяла ее в свою.

«Это не то, что я ожидал». сказала она, и он посмотрел на нее, обеспокоенный тем, что она была разочарована мыслями о том, чтобы быть здесь. «Мне это нравится, как и Мераксес». — сказала Рейнис, и Эймон вздохнул с облегчением.

«Гэлитокс очень любит это, особенно Драконья гора». — сказал он, когда два дракона поднялись в воздух и полетели к вулкану.

— Кто здесь, Эймон? — спросила Рейнис, когда они направились к крепости.

«Ты знаешь всех, кто пришел со мной, Рей. Даарио и Ауран где-то в другом месте, так что это только Торго Нудо, Торос, Марвин и мои самые верные люди». — сказал он, и она посмотрела на него.

— И ты собираешься завоевать Вестерос только с их помощью? — спросила она, и он улыбнулся.

«Нет, мы завоюем Вестерос только с этими людьми». — сказал он, прежде чем снова поцеловать ее.

Торго Нудхо и Торос ждали их у ворот, и он приветствовал улыбку на лице Тороса и ухмылку Торго Нудхо, когда они приветствовали его сестру.

— Принцесса, как приятно снова вас видеть. — сказал Торос, когда Рейнис обняла его.

— Ты тоже, Торос. Торго Нудхо, ты меня как-нибудь поприветствуешь? — игриво спросила Рейнис, обнимая его Щит Клятвы.

— Я очень рад снова видеть вас, моя принцесса. — сказал Торго.

"Как и я, чтобы увидеть вас обоих." — сказала Рейнис.

На этот раз это она протянула руку, а он взял ее, когда они вошли в крепость. Рейнис смотрела широко открытыми глазами на каждую из каменных статуй, висящие гобелены и формы, высеченные в камне. Он слышал, как она вздохнула, когда увидела Трон Дракона, и еще громче, когда он привел ее в Зал Расписного Стола.

— Эймон, не смей. — сказала она, смеясь и хлопая его по плечу, когда он поднял ее и отнес на возвышение.

— Скажи мне, что ты видишь? — спросил он, усаживая ее на сиденье и отодвигаясь от нее, чтобы она могла смотреть вниз на Расписной стол.

«Семь королевств». — тихо сказала она, и Эймон покачал головой.

«Нет, любовь моя, только одна». — сказал он, подходя к ней и поднимая ее с сиденья.

Он чувствовал ее губы на своей шее, когда нес ее на руках, и к тому времени, когда они достигли его комнаты, их комнаты, он более чем жаждал остаться с ней наедине. Смех, который она ему подарила, когда он швырнул ее на кровать, был тем смехом, которого он ждал почти два года, и прежде чем она успела прийти в себя, он оказался на кровати рядом с ней. Эймон ловил себя на том, что останавливается, чтобы посмотреть на нее, пока раздевает ее, и чаще всего просто пристально смотрит ей в лицо и в глаза. Она закусил губу, глядя на него одновременно с нервозностью и тем же желанием, которое, как он знал, отражалось в его собственных глазах, а затем она пошла еще раз извиниться.

— Эймс, я... — начала она, но он остановился и заставил ее замолчать пальцем, а затем и губами.

«Ты здесь, Рей, это все, что имеет значение. Ты здесь, и мы вместе». — сказал он, и она кивнула, а затем притянула его ближе к себе.

Пока она спала, он не спал, его руки гладили ее по волосам, а его глаза снова обращались к ее лицу. Это было то же самое, но также и другое, и он знал, что она тоже это чувствовала. Для Эймона это было потому, что им больше не нужно было прятаться или беспокоиться о том, что думают другие, хотя Рейнис считала, что это потому, что между ними не было решено никаких вопросов. Так что он слушал, когда она говорила ему, как сожалеет, что не уехала с ним, и

какой душой она была.

Даже его шутки о том, что это поставит ее на один уровень с ним, поскольку он всегда был ее дураком, не успокоили ее достаточно, чтобы она перестала говорить слова, в которых ей не было нужды. Эймон достаточно хорошо знал ее причины, по которым она не присоединилась к нему, и ему не нужно было, чтобы она говорила ему о них, но Рейнис знала, и поэтому он позволил ей. Он обнимал ее, пока она говорила об их деде и о людях Веры, которых ее мать и их отец допустили в Империю. Затем он вытер ее слезы, когда она рассказала о словах, сказанных ей их отцом, и о том, как то, что они сделали вместе, заставило ее чувствовать.

Как он сдерживал свой гнев при этом, знали только боги. Он всегда знал, что его отец был против того, чтобы они были вместе, чего он не знал, так это того, как далеко он зашел с Рейнис, чтобы убедиться, что это так. В конце концов, только тех слов, что он сказал, когда она закончила, было достаточно, чтобы остановить ее слезы и развеять ее тревоги.

« Мне все равно, правда. Ты здесь, ты со мной. Меня не волнует, почему ты так долго не приходишь, только то, что ты здесь, Рей. Я люблю тебя, как всегда любила. и ты по-прежнему все, что я действительно хочу или желаю. Я создам королевство не потому, что я хочу этого, а потому, что это то, что мне нужно, чтобы сделать тебя моей. Выходи за меня замуж, будь моей королевой, моей императрицей, женись на мне, и как только это будет сделано, никто, даже наш отец, не сможет нас разлучить». он сказал.

" Эмс.. "

« Ауран и Даарио скоро вернутся, Торос все еще Красный Жрец, и Марвин может записать это и отправить сообщение нашему отцу. Выходи за меня, Рей?» — спросил он, и она кивнула раз, другой, а затем снова и снова Эймон снова и снова целовал ее, пока она говорила слова, которых он так долго ждал.

« Я выйду за тебя замуж, я люблю тебя, Эймон, только тебя». — сказала Рейнис, и он никогда еще не чувствовал себя таким искренним и полным, как сейчас.

Когда они проснулись на следующее утро, он почти боялся, что она заберет его обратно, только для того, чтобы Рейнис поцеловала его и сказала, что надеется, что Ауран и Даарио скоро вернутся. Они прервали свой пост, сказал он Торосу и Торго Нудхо и слушал, как Торос говорил о приготовлениях, которые ему нужно будет сделать для проведения свадебной церемонии. Огня у них было предостаточно, и когда Рейнис предложила вместо огня прыгнуть через расплавленную скалу в Драконьей Горе, Эймон без колебаний согласился.

Оттуда он должен был отправиться в деревню и поговорить с некоторыми людьми, которые там жили. Рейнис искала швею, и вскоре Эймон узнал, что часть одежды, которую он привез с собой, и некоторые материалы из Волантиса скоро найдут новое применение. Он провел целый день, просто наблюдая за ней, когда она разговаривала с людьми. Мужчины, женщины и дети, казалось, тянулись к его сестре гораздо больше, чем к нему с тех пор, как он приехал, и это очень его радовало. Рейнис был таким же, как ее мать и его собственная. У нее был подход к людям и комфорт вокруг них, чего не было у других, в том числе и у него.

Эймон мог вызывать лояльность, его люди любили его, а граждане Империи восхищались и уважали его. Его сестра, его мать, ее мать и его тетя были любимы так, как он никогда не был и никогда не будет. Или, по крайней мере, никем, кроме того человека, которого он так хотел любить. Уже стемнело, когда они вернулись в крепость. Рейнис склонила голову ему на плечо, пока они шли вместе, и для Эймона это был один из самых лучших дней в его жизни.

Штормовой Предел 300 АС.

Роберт Баратеон.

Как бы он ни наслаждался вином и шлюхами, не они действительно волновали его кровь на прошедшей луне. Вместо этого он спарринговал, размахивал молотом, говорил о грядущих битвах и думал о том, что он будет делать, когда столкнется лицом к лицу с драконьим отродьем. Война, настоящая война была тем, чего он желал всю свою жизнь. Вести мужчин на поле и сражаться за правду, зная, что победитель не будет выбран по уступке или первому удару. Эта победа будет определяться только тем фактом, что один из вас будет мертв. Это было то, что заставляло его сердце биться намного быстрее в последние несколько дней.

На протяжении многих лет были стычки, бандиты, с которыми он имел дело лично, хотя, будучи королем, некоторые хотели, чтобы он послал других, чтобы противостоять им. Временами отношения между ними и Дорном или Пределом, казалось, были готовы привести к полномасштабному конфликту только для того, чтобы сгладиться после не более чем самой маленькой битвы. По правде говоря, во всем Вестеросе не было никого, у кого были бы яйца для настоящего боя. Поэтому, когда драконий отродье приземлился на Драконий Камень, он испытал невиданное ранее волнение.

То, что он думал, что мальчик был живым оскорблением для него, только помогло этому, и именно рассказы о том, что он сделал в Эссосе, одновременно взволновали и привели его в ярость. Рассказы о битвах, выигранных войнах и репутации воина, которую он так желал себе. Эймон Таргариен был мальчиком, который должен был стать его сыном, и он был сыном, которого он, как отец, с гордостью назвал бы своим. Его мать была украдена у него, его сын украден у него, и слава, которую он принес бы своему имени, также была украдена у него. Так что был только один способ отплатить миру за воровство. Для этого Роберт украдет оставшиеся годы жизни мальчика и убьет его раз и навсегда.

— Ради бога, вставай. — сказал он мужчине, который неподвижно лежал перед ним. — Я чуть тебя не стукнул, вставай. он крикнул.

— Ваша светлость, он мертв. Сир Барристан сказал, что его голос был напряженным и полным потрясения, и Роберт посмотрел на него, готовый рассмеяться, так как это была шутка.

«Он не может быть мертв, я едва прикоснулся к нему». — сказал он в замешательстве, переводя взгляд с молота на человека на земле, который, как ему теперь было ясно, мертв.

Он заблудился, погрузившись в мысли о том, что могло и должно было быть и что должно было произойти. Настолько потерянный, что превратил дружественный спарринг во что-то гораздо более смертоносное, и когда он огляделся на тех, кто был во дворе, он мог видеть, как они смотрели на него. В их глазах был страх, гнев и беспокойство, и он ненавидел быть причиной некоторых из них. Подойдя к телу мужчины, охранника, имени которого он даже не мог вспомнить, он наклонился и увидел результат удара, которым он его поймал. Подкладка не была защитой, и он поймал его слишком сильно.

— Проследи, чтобы он был отдан Безмолвным Сестрам и чтобы септон молился над ним. У него есть семья? — спросил он, его голос так сильно отличался от обычного, он был скорее шепотом, чем гулом.

— Нет, ваша милость, я не в курсе. — сказал сир Барристан, и Роберт, кивнув, повернулся и вошел в крепость, его молот все еще был в руке, и он едва осознавал, что несет его.

Барристан сказал ему сдерживать себя во время спаррингов, что он был слишком настойчивым и что не каждый человек, с которым он сталкивался, был так хорош, как он и Роберт думали, что он прислушался. Он проклинал себя за то, что снова заблудился в своей голове, и проклинал драконьего отродья за то, что оно стало причиной этого. С тех пор, как мальчик появился, это вызвало чувства, которые до этого он испытывал только когда был пьян. Потерянная любовь и мысли о том, какой была бы его жизнь с ней рядом с ним, и о сыне, в котором ему было отказано.

Лианна была той, о ком он думал только тогда, когда жалел себя или когда ему возражали. Если шлюх, вина и турниров было недостаточно, или если люди просили его жениться и родить им наследника. Тогда его мысли обратились бы к женщине, на которой он должен был жениться. Или, если он был один в своей постели и просыпался, жалея, что это не так, тогда его мысли обращались к ней, и он спрашивал себя, почему она сбежала. Что такого было в нем такого, что заставило ее не хотеть быть его женой? Они даже никогда не встречались, если бы она только увидела его, тогда она захотела бы его, не так ли? Она бы сделала его счастливым, не так ли? Она бы любила его, не так ли?

«Я даже не видел ее лица». — тихо сказал он, закрыв глаза и пытаясь вызвать в уме ее образ, ее тень, которую он сделал своей собственной.

Пир в тот вечер прошел гораздо тише, и он почти не пил, к удовольствию брата. Не так уж и много удовольствия Станнису доставлял он, стараясь не улыбнуться. Оказалось, что у охранника была мать, о которой он заботился, и поэтому он сказал Станнису убедиться, что она все еще получает его зарплату, а затем попытался выкинуть его из головы. У него бы ничего не вышло, если бы Крессен не прервал его размышления новостью о свитке ворона. Роберт почти выбежал из Большого зала, надеясь, что это от Драконьего отродья, но обнаружил, что это лев послал ему слова, а не дракон.

«Какого хрена этот жалкий старый ублюдок посылает нам ворона?» — спросил он, когда Крессен вручил ему свиток.

— Не знаю, ваша светлость. — сказал Крессен, как только к ним подошел Станнис.

"Ваша милость?" — спросил его брат, глядя на мастера, сира Барристана, а затем на него.

«Старый Лев посылает нам слова, брат». — сказал он, сломав печать на свитке и прочитав сообщение.

Королю Роберту Баратеону,

Вы, как и я, несомненно, смотрели на дракона на наших берегах и знаете, для чего он действительно здесь. Как король ближайших к нему земель, он, возможно, обратит внимание на вас в первую очередь. Однако события в Речных землях создали для нас обоих благоприятный момент. Со смертью его дедушки дракон будет смотреть туда, а не куда-то еще, и как только он это сделает, кальмары столкнутся с его яростью. Я предлагаю союз, король Роберт, который удовлетворит наши потребности. Пока дракон гоняется за кальмарами, его дом будет по большей части неохраняемым, а ваш будет захвачен, а когда он услышит о его падении, дракон вернется, чтобы забрать его у вас. Но путь от Речных земель до Драконьего Камня долгий, и марши полны опасностей. Когда он пойдет на юг, я тоже пойду, и между нами обоими мы поймем его в ловушку.

Тайвин Ланнистер,

Король Скалы.

Это закончило пир для него и для Станниса, так как все четверо вернулись к его солярию после того, как Станнис отправил сообщение своей жене и хорошей семье. Свиток был одновременно приглашением почти ничего не делать и обещанием победы за это. Пока они шли, он мог видеть, как в голове Станниса вращаются колеса, и на этот раз они вращались и в его собственной. Идея захватить Драконий Камень очень привлекала его, хотя мысли о союзе с Тайвином Ланнистером — нет. Только дурак мог бы доверять Старому Льву, а он не был дураком, что бы люди ни думали.

"Хорошо?" — спросил он Станниса, когда они вошли в его комнату.

«Интересное предложение, и если бы это было предложение от любого другого мужчины, я бы призвал вас рассмотреть его». — сказал Станнис, и Роберт удивленно посмотрел на него.

"Но вы не будете?" — спросил он, садясь на свое место.

«Хотя на первый взгляд это имеет смысл. Альянс, ловящий армию между двумя, с одним, идущим с тыла, и одним в лоб, я сомневаюсь, что это предел планов Тайвина Ланнистера». — сказал Станнис, и Роберт ухмыльнулся, предлагая ему продолжить: — Я бы сказал, что часть из этого правда. Он использовал бы нас, чтобы взять Драконий Камень и дернуть Дракона за хвост, и он даже пошел бы на юг, когда это сделал дракон.

"Но?"

«Но с какой целью? Будет ли он делать то, что сказано в сообщении, или он позволит нашей армии сразиться с армией принца Эймона, а затем придет и прикончит нас обоих?» Станнис задал вопрос, который на самом деле не был вопросом.

— Сир Барристан? он спросил.

«Я согласен с Лордом-рукой, ваша светлость. Лев охотится на слабых, и он подождет, пока мы станем таковыми, прежде чем пировать на наших и драконьих телах». — сказал сир Барристан.

«Правда, эта новость кое-что дает нам. Если дракон действительно идет на север, то и мы тоже. План Старого Льва может состоять в том, чтобы пировать после окончания боя, и это хороший план, которым, я думаю, мы можем воспользоваться. "

В течение следующих нескольких дней он обнаружил, что переполнен чувством волнения, ожидая новостей с Драконьего Камня о том, что корабли отправились на юг. Роберт смотрел на небо каждый раз, когда ему казалось, что он слышит хлопанье крыльев, и когда прилетал ворон, он с нетерпением ждал, когда Крессен передаст ему слова. Это были не те слова, которых он ожидал, и, глядя на сломанную печать и свиток, лежавший на полу, он едва мог слышать слова, которые говорили Станнис, Крессен и сир Барристан. Не то чтобы ему нужно было их слышать, чтобы понять, о чем они говорят, и ему не нужно было смотреть в лицо Станнису, чтобы увидеть беспокойство за их брата.

"ДРАКОНОВАЯ ПОРОДА". — громко закричал он, чувствуя, как его ярость становится все сильнее.

Досыгаемость 300 переменного тока.

Принц Гвейн.

Трижды он ходил в бордель за четыре дня, но даже близко не был к тому, чтобы насытиться. Мысли о Маргери, делающей такие вещи, заполнили его разум, и, когда он закрыл глаза и почувствовал, что его освобождение приходит еще раз, это было на ее лицо и ее злые слова, которые он излил. Она рассказала ему о книге, и при первом же удобном случае он искал ее и нашел в библиотеке. Позже, когда он лежал в своей постели той ночью, он получал удовольствие своей рукой и ее голосом в своем ухе.

« Я слышала, как леди Крейн говорила с леди Деленой о книге, которую их матери подарили им перед свадьбой. Книга о том, что мужчина и женщина могут делать вместе». — сказала Маргери, и румянец на ее лице показался ему невероятно привлекательным.

" И вы ищете такую книгу?" — спросил он с нетерпением.

« Нет, я нашел его». — сказала она, краснея еще больше.

" Говорят ли слова о таких вещах?" — спросил он, чувствуя, как участилось его дыхание.

« Я... я не знал, что мужчины и женщины могут делать такие вещи». — нервно сказала она, прежде чем снова покраснеть. — Я нахожу их мысли очень запутанными. — сказала она, едва взглянув на него.

" Смущает?" он спросил.

« В том, как они заставляют меня чувствовать». — сказала она, снова не в силах смотреть ему в лицо.

« Маргери, мы не делаем, я имею в виду, мы бы... но только то, что мы хотим делать вместе». — сказал он, стараясь, чтобы его волнение по поводу того, что они сделают, было тем, что она услышала в его голосе, и вместо этого надеялся, что его слова утешат ее.

« В том-то и дело, Гвейн. Я нахожу мысли о том, чтобы делать такие вещи с тобой...» она сделала паузу, оглядываясь вокруг, чтобы убедиться, что они одни. «Волнующе». — сказала она почти смущенно.

Сознание того, что она читала такие вещи и что она не прочь сделать это с ним, заставило его желать, чтобы она была его еще больше. Гвейн считает дни до своих именин, чтобы поговорить с отцом о том, чтобы взять ее в жены. По его мнению, не было лучших кандидатов на роль невесты, и поэтому он не мог представить себе, что отец отказывает ему. Он никогда не думал, что прибытие дракона так испортит его планы.

Ворон прибыл за день до его именин, и через несколько часов его вызвали в солярий отца. Если бы он был более внимателен, то увидел бы лорда Мейса, выбегающего из комнаты, но его мысли, как всегда, были заняты женщиной, которую он любил. Если бы он не был так погружен в мысли о Маргери и о вещах, которые они скоро смогут делать друг с другом, он бы заметил, что лицо его отца стало более решительным, чем когда-либо. Он был так растерян, что, когда его отец заговорил, Гвейн был уверен, что он сам поднимет вопрос о своей помолвке. В этом он был прав, но в то же время очень сильно ошибался.

«Пришло время тебе жениться, сын мой». — сказал его отец, и Гвейн улыбнулась ему. — Я получил предложение от короля Тайвина Ланнистера о свадьбе между тобой и его внучкой Мирцеллой.

"Нет." — сказал Гвейн, вставая на ноги.

— Что ты сказал мне, мальчик? — сердито сказал его отец.

«Я сказал нет. Я не женюсь на девушке, которую никогда не встречал».

«Ты выйдешь замуж за того, за кого я скажу тебе выйти замуж».

«Я женюсь на Маргери и только на Маргери». — крикнул он в ответ отцу.

«Дочь управляющего, ты действительно думаешь, что я позволил бы своему собственному сыну и наследнику жениться на дочери управляющего? Ты слушай и слушай внимательно, мальчик. Он будет смотреть на остальных из нас. Союзники, нам нужны союзники, и у меня есть предложение одного в лице Тайвина Ланнистера. Вы будете выполнять свой долг перед своим домом, своим королевством, его людьми и ты женишься на его внучке. Я больше не буду слышать о Маргери Тирелл, а теперь иди, прочь с глаз моих. — сказал его отец, и Гвейн посмотрела на него, прежде чем уйти.

Он не продвинулся далеко до Лораса, а затем на его пути появился Гарлан, и было ясно, что они оба слышали о планах его отца. Сочувствующие взгляды на их лицах были желательны, но в то же время не очень. Он провел остаток дня в поисках ее, но ее так и не нашли. В конце концов Гвейну пришлось отправить Лораса, чтобы тот привел ее к нему, а затем он ходил по территории, ожидая ее. Видеть ее боль было для него невыносимо, так как было ясно, что она плакала и злилась на него. Маргери отодвинулась от него, когда он попытался обнять ее, а затем с тревогой посмотрела на него, когда он схватил ее так, что она оказалась перед ним.

«Я женюсь на тебе, Маргери, ни на ком другом, кроме тебя». — сказал он так твердо, как только мог.

«Твой отец, он сказал моему собственному, что этого не может быть... что ты выйдешь замуж за другого». — сказала она, и то, как она всхлипывала и рыдала, едва не разбило ему сердце.

«Меня не волнует, что говорит мой отец, ты будешь моей женой, только ты. Ты мне веришь?» — с надеждой спросил он.

— Я... я хочу. — сказала она, когда он вытер слезы с ее глаз.

— Мне нужно поговорить с твоей бабушкой, ты отведешь меня к ней? — тихо спросил он, когда она наконец позволила ему обнять себя.

"Почему?" она спросила.

«Никто не знает, что делать лучше, чем она, Маргери. Пожалуйста, отведите меня к ней для нас?» — спросил он почти умоляюще.

"Для нас." — тихо сказала она, и он был счастлив увидеть первые признаки улыбки на ее лице.

Это было неполное, но это было лучше, чем ничего, и он имел в виду каждое сказанное им слово. Она должна была стать его женой, и ничто, ни дракон, ни лев, ни даже его отец не помешали бы ему сделать это так. Чего бы это ни стоило, чтобы убедиться, что они поженятся, он сделал бы это, чего бы это ни стоило.

Завоевание Вестероса XIII.

Драконий рыцарь.

Рожденный будущим Верховным Императором и Императрицей Льда, принц Эймон Таргариен сначала был болезненным ребенком. Его первые несколько дней заставляют большинство поверить, что он не доживет до детства, не говоря уже о том, чтобы стать мужчиной. Когда рядом с ним было отложено яйцо красного дракона, все изменилось, и Эймон, казалось, воодушевился его присутствием. Несколько лун спустя перед его дедом, Верховным Императором, его бабушкой, Императрицей Драконов, его отцом, матерью, мачехой и его братьями и сестрами вылупилось яйцо, и Империя снова получила драконьего рыцаря, которого можно было призвать.

Эймон вскоре показал, что он был всем, чем не был Бладворон. Смертоносный с клинком, ножом или копьем в руке, он владел Темной Сестрой в девять именов и побеждал мужчин вдвое больше себя в десять. Он назвал своего дракона Гаэлитоксом, хотя вскоре он стал более известен как Кровавый Змей, и они с Эймоном проводили в воздухе столько же времени, сколько он проводил на земле в те ранние годы. Когда он убил своего первого человека, многие спорят, некоторые говорят, что это было, когда ему было два и десять лет, но самые близкие говорят, что это было намного раньше. Известно лишь то, что в два и десять лет он сражался в своей первой настоящей битве, и ни один человек не унес в тот день больше жизней, чем он.

На протяжении многих лет Рыцарь-Дракон и его Вторая Армия путешествовали повсюду, а дружба и узы на всю жизнь завязывались и формировались на полях, покрасневших от крови. Даарио Нахарис был отстранен от второстепенной роли в Первой армии Верховного Императора и получил собственное командование под командованием принца Эймона. Торосу из Мира было позволено сформировать собственное подразделение и взять его под крыло Эймона, как и самого близкого и верного друга и брата принца по выбору Ауран Веларион. Тем не менее, никто из людей с принцем не был более смертоносным или Леалом, чем его Заклятый Щит, Торго Нудхо.

Мало что известно о жизни Заклятого Щита Рыцаря-Дракона, кроме того, что он был доставлен в Волантис Императрицей Льда, когда Эймону было всего два дня рождения, и что с этого момента он решительно стоял на его стороне. Смертоносный с копьем и щитом в руке и столь же грозный с коротким или длинным мечом, мало кто в Империи вызывал такой страх или уважение, как Торго Нудхо, и еще меньше тех, кто верил и уважал Рыцаря-Дракона так искренне, как он.

История завоевания Рыцаря-дракона,

Маг Марвин.

Драконий камень 300 АС.

Торго Нудо.

Он тренировал людей дважды в день, и они были как никогда готовы. Его люди были людьми, которые сражались с ним и на стороне своего принца более восьми лет. Каждый враг, осмелившийся выступить против Империи, был повержен людьми, с которыми он теперь стоял. Они, другие люди под командованием его принца и сам его принц знали военное искусство намного лучше, чем большинство. Люди обосрались бы, если бы их убили, они бы цеплялись за жизнь так долго, как только могли, когда придет их время. Некоторые обретут мужество, которого не знали, столкнувшись с врагом, у которого могут быть свои меры. В то время как другие обнаружат, что их мужество покинуло их, когда их переполнил страх.

Для Торго Нудхо не существовало страха. Какие ужасы мог причинить тебе человек на поле

боя, чего еще не сделали мастера в Астапоре. Рыцари-драконы рождаются не сотворенными, как однажды сказал ему его принц, и Торго Нудхо хотел, чтобы то же самое было и с Безупречными. Этого не было и никогда не будет, и ни его принц, ни его мать принца не могли этого сделать. Императрица Льда спасла его от порезов и привела к своему принцу, и вместе они спасли его людей. Хотя не все могли быть, даже Рыцарем-Драконом.

Принц — не Верховный Император, поэтому, хотя Эймон мог забрать тех, кого еще не вырезали, он не мог остановить эту практику. Так что это были некоторые, но не все, что они спасли, и с годами некоторые из них пали. Ему и его принцу они были обязаны своей верностью и своими жизнями, и все же Эймон попросил, а не приказал им воевать. Ему не нужно было этого делать, и все же он сделал это независимо от того, какая разница между мужчиной и рабом, кроме выбора. Торго Нудхо и его люди когда-то были рабами, но теперь, когда придет их время и они встретятся со своими богами, они сделают это совершенно бесплатно.

«Мужчины хорошо выглядят, Торго Нудхо». — сказала принцесса Рейнис, и он кивнул ей, пока принц разговаривал с несколькими мужчинами чуть дальше по цепочке.

«Они с нетерпением ждут свадьбы, моя принцесса». — сказал он, и она улыбнулась ему, коснувшись его плеча.

"Как и я." — сказала она, прежде чем посмотреть на его принца.

— Как и мой принц. — сказал он, заставив ее немного рассмеяться, когда его принц посмотрел в ее сторону.

«Да, и если Даарио не прибудет в ближайшее время, то я думаю, что он взлетит на спине Гелитокса, найдет нашего синеволосого друга и сам притащит его сюда». — сказала она, и он слегка ухмыльнулся, зная, что ее слова были правдой.

Ауран прибыл за день до этого, и он знал, что его принц теперь только и ждал возвращения Даарио, чтобы свадьба могла состояться, и только то, что Даарио нужно было идти дальше, задержало его. Никто из них не беспокоился о том, что его задание не выполнено или что ему угрожает опасность. Эти люди были глупцами и были бы побеждены давным-давно, если бы Империя сооблаговолила посмотреть в их сторону, и поэтому они не боялись их. Их мысли наполняло рвение, и Даарио желал поскорее вернуться к ним. Торго Нудхо знал, что его принц жаждет жениться, жаждет начать и жаждет сражаться, и поэтому он тоже желал этого.

Чувство печали, которое испытывал его принц с тех пор, как они пришли сюда, теперь исчезло. Его заменили чем-то, чего жители Вестероса должны были по-настоящему бояться, и все же он сомневался, что они были достаточно умны, чтобы сделать это. В его принце была решимость, которой раньше не было. Готовность победить там, где раньше это было почти нежеланием. Даже когда он сказал им, что его глаза смотрели на земли и желали, чтобы они принадлежали им, на самом деле этого не было. Теперь это было так, и Торго Нудхо знал, что это из-за прибытия принцессы.

"Корабль." он услышал зов Аурана, и когда его принц двинулся к нему, он тоже подошел, подняв руку, чтобы отпустить мужчин.

Он почувствовал, как его сердце немного забило, когда он увидел, что это был Даарио, и они направились к докам. Глаза Торго Нудхо искали людей, чтобы увидеть, все ли вернулись, и он был достаточно счастлив видеть их всех там, Валарра, Джедора, Люсарона и, наконец, самого Даарио. Возможно, он не боялся за них, но все же испытал облегчение, увидев их

невредимыми и завладев добычей его принца. Мужчина был крупным, и все же на нем не было следов, и ему казалось, что он не сопротивлялся, слабость этих людей Вестероса заставляла его губу скривиться от отвращения.

«Лорд Ренли, приветствую вас на Драконьем Камне». — сказал его принц с ухмылкой, когда мужчина осмелился сердито взглянуть на него.

"Мои братья..."

"Дураки, но давайте выясним, насколько они ценят вашу жизнь, прежде чем вы так нежно отзываетесь о них, ладно?" — сказал его принц, и он услышал смех Тороса и Аурана, когда они говорили с Даарио: «Давайте найдем какое-нибудь жилье, более соответствующее вашему положению, лорд Ренли. Я уверен, что обращение с Даарио, хотя и справедливое, было неприятным».

Ему бы хотелось послушать, что говорят Ауран и Даарио, пока они шли, но его глаза были прикованы к его принцу и человеку, которого они захватили. Возможно, его отсутствие борьбы было уловкой, и у него была другая цель. Если так, то он был бы готов на всякий случай. Хотя, в конце концов, оказалось, что в этом человеке вообще не было никакой борьбы, и вскоре его заперли в гораздо лучших комнатах, чем того заслуживал заключенный. Только когда ему удалось поговорить с Даарио, истории, которые он рассказал ему о мужчинах, с которыми он столкнулся, еще более подтвердили его предположения. Это были действительно бедные люди, и они заслужили бы очень мало славы, когда победили их.

— Иди, умойся и отдохни, завтра поговорим о наших планах. — сказал его принц Даарио.

В ту ночь они ели и пили, а на следующее утро он проснулся рано для спарринга со своим принцем. Он, Даарио, Торос, Ауран и принц ходят по двору, потев и разжигая аппетит. Когда они закончили, к ним присоединились Марвин и принцесса, а затем они прервали свой пост. Его принц пишет сообщение, которое нужно отправить Оленю в Штормовой Предел, прежде чем они отправятся в Зал Расписного Стола. Пока они шли, Даарио говорил о захвате брата Оленя, о землях и людях, которых он видел при этом.

"Галлтаун?" — спросил его принц Ауран.

«Господь с нами, он может не сражаться на вашей стороне, пока не увидит вашу победу, но он с нами».

— Ты собираешься напасть на Долину? — сказала принцесса, глядя на стол.

«Я намеревался напасть на них всех в какой-то момент и первым делом напал бы на Оленя, но потом пришло известие о смерти моего дедушки». — сказал Эймон.

— О, Эмс... — сказала принцесса, подходя к принцу.

«Этот человек был дураком, Рей. Он не только пытался заставить мою мать выйти замуж за мужчину, которого она не любила, но и так и не простил ей того, что она этого не сделала. сделал то же самое, когда я прибыл, только для того, чтобы меня оскорбили и проигнорировали. Меня не волнует, что он мертв, кроме того, что кто-то пролил кровь моего рода, и я читал дневник моей матери и знаю, что она хочет, чтобы я сделал ". — сказал его принц.

— Итак, мой принц, вы намереваетесь напасть на Речные земли? — спросил Торос, и его принц

усмехнулся.

— Вы знаете, кто сообщил мне о смерти моего дедушки? его принц попросил покачать головой Тророса и Аурана "Король Скалы. Сначала он посылает гнома искать союза и брака" Торго уловил хмурое выражение лица принцессы и гнев в ее глазах на слова принца: «Тогда он помогает мне получить эту информацию».

— Он считает себя игроком, мой принц. — сказал Ауран, и его принц снова усмехнулся.

«И все же он даже не понимает игры». его принц сказал смеясь: «Он хочет, чтобы я сражался в Речных землях, и каждый из вас знает, что я живу, чтобы исполнять желания». теперь смех был громче.

— Что с Дорном? — спросила принцесса.

«Они не поддержат меня, это им ясно».

— Они знают обо мне? — спросила принцесса, и его принц покачал головой. — Тогда, я думаю, пришло время нам с Мераксесом нанести визит моим дядям и двоюродному брату.

"Рэй.."

— После того, как мы поженимся, конечно. — сказала принцесса с улыбкой на лице.

«Значит, мы отправляемся в Риверлендс». — сказал Ауран, кивая.

"Да начнется игра." — сказал его принц, и Торго Нудхо искренне улыбнулся, потому что это были единственные игры, в которые он любил играть.

Королевство бурь.

Дом Баратеонов.

Король бурь Роберт Баратеон, 38 лет.

Десница короля и наследник Станнис Баратеон, 36 лет.

Принцесса Тиана Баратеон, 37 лет.

Принцессе Ширин Баратеон 11 лет.

Принц Ренли Баратеон, 21 год.

Стеффон Баратеон, 32 года, утонул после того, как их корабль разбился о скалы в заливе кораблекрушения.

Кассана Баратеон, 32 года, утонула после того, как их корабль разбился о скалы в заливе кораблекрушения.

<http://tl.rulate.ru/book/86597/2769744>